

ЧАРОДЕЙКА ПО ВЫЗОВУ

Мариана Конте

Чародейка по вызову

<https://litres.ru/74583159>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я — лицензированная чародейка. За деньги снимаю проклятия, чиню чужие чары и решаю магические проблемы, которые люди почему-то предпочитают создавать себе сами.

Работа у меня была вполне понятная, пока один обаятельный бард не предложил найти легендарную лиру, способную превратить любую песню в шедевр.

Звучало как хороший заказ. Один поисковый ритуал, и деньги в кармане! Но вот ритуал почему-то не сработал, а контракт уже подписан. Теперь вместо лёгкого заработка меня ждут опасные тайны, чужие интриги и путешествие в компании барда, который, кажется, способен очаровать кого угодно.

Содержание

1	4
2	9
3	15
4	21
5	26
6	30
7	36
8	41
9	47
10	53
11	59

Мариана Конте

Чародейка по вызову

1

— Мне бы зятя проклясть. Только чтоб дочке лучше жилось.

Женщина, что назвалась Агатой, положила на мой стол узелок. Внутри что-то глухо стукнуло, но на голову зятя не похоже.

— С выпивкой помогу, но хорошего зятя одним заклинанием не сделать.

Агата отодвинулась, будто я пожалела ей дрожжей.

Ида Мейр, старшая чародейка нашего бюро, принесла чай и разлила по чашкам.

— Дык я за этим и пришла, милая. Чтоб не пил, деньги нёс в дом, жену свою помнил. Вы ж эти, как их, ведутки, во!

— напевно сказала Агата.

Ида остановилась с чашкой над столом.

— Вчера были чародейками, — поправила она. — Но если вдруг новое название повышает жалованье, я готова выслушать.

— Ну, в деревне так кличут. От «ведьма» и... ну, той бабы, что за деньги...

— Решает чужие проблемы! — воскликнула Ида. — Как приятно. А я-то боялась, что вы скажете что-нибудь обидное.

Я спрятала улыбку за заявкой на имя Томаса Келла, проблемного зятя. В графе «Цель» со слов Агаты стояло: «Чтобы взялся наконец за ум».

— Вот этот пункт мы пока вычеркнем. Расскажите лучше, как часто Томас пьёт.

— Дык, почитай, каждый день. Элиза, дочка моя, говорит, пять вечеров, а иную неделю и все шесть. Меня-то он с собой не зовёт, чай, не больно рад тёще. Уж на те деньги, что он пропивает, муки бы взяли да сапоги ей. Там подошва отходит, а она всё: «До следующего жалованья, мама». Какое там жалованье, коли он его вперёд пропивает? Хлеб нынче будто с золотом пекут. Денег у меня мало, но зато мука своя. Я мешочек привезла, вдруг зачтёте?

Мешочек стоял у её ног. В узелке на столе были яйца, и одно треснуло в дороге.

— За приём? — спросила я.

— За всё. Ещё плотно есть. Сама ткала, не рыночное.

Ида сняла блюдце с подоконника и поставила под яйцо.

— Наш управляющий любит плату в монетах. Ткать он из них не умеет, зато складывает удивительно ровно!

Агата затянула тесёмку и придвинула узелок к себе.

— Значит, зря тащилась...

— Вообще-то есть один вариант. За расходники нам всё равно нужно будет заплатить. Но не обязательно отдавать

всю сумму сегодня.

Из окна было видно, как булочник меняет дощечку с ценой. Вчерашнюю он даже не стёр, только развернул к стене. Мне и самой жалованье обещали только в конце недели, так что благородно простить Агате всё за чужой счёт я не могла.

Разделила оплату на две части. Первую покрывали монеты, которые она уже вытряхнула на стол. Вторую предложила внести после следующего жалованья дочери. Обе суммы назвала вслух, потому что Агата считать яйца и мешки умела лучше, чем читать.

— А если Томас опять деньги заберёт?

— Это нужно обсудить с Элизой. Никакие чары не вернут заработанное и не спрячут его от мужа.

Агата разом перестала поправлять платок.

— Она мне на дорогу и дала. Велела всё разузнать. А сама прийти не смогла, мол, работать надо.

— Тогда передайте ей все условия. В том числе — что чары не заставят Томаса вернуться домой.

Ида достала чистую карточку.

— Стоимость, сроки и ограничения напишу крупно. Чтобы домашний пересказ вдруг внезапно не повысил наши способности.

Ида всё-таки купила у неё яйца для себя. Агата оставила их у окна и распрямилась.

Про долги и пьянство было понятно, а вот о доме она заговорила тише:

— Руками не трогает, нет. Ругается, конечно, как Элиза про деньги спросит, но не бьёт.

— Приписывать побои я не стану, но и ждать, пока до этого дойдёт, не нужно.

— Да ты уж посильнее сделай. Он у нас упрямый, что баран у ворот.

— Тошноту, слабость, головную боль и отвращение гарантирую. Сильнее этого — опасно. Не для того мы убираем пьянство, чтобы Элиза потом на похоронные собирала. Чары будут действовать три месяца, затем, при необходимости, придётся повторить.

— Стало быть, опять потом за старое возьмётся?

— Это он сам решит. Совесть у нас в стоимость не входит.

— Так сделай, чтоб жену любил!

— Заставлять любить кого-то нельзя. С ним всё равно придётся говорить.

— А ежели он трезвый домой всё равно не пойдёт?

— Тогда вы хотя бы узнаете, что дело не в одном вине. Наверное, есть и другая причина. Элиза с этим разберётся.

— Решать-то ей, — тихо сказала Агата. — Я всё велю да велю. Она уж не девочка.

Ида повернула к ней чашку ручкой и подождала, пока Агата отпьёт.

— Ай, ну тебя, делай, что умеешь.

Ещё раз вслух прочла сроки и условия. Агата вывела фамилию и едва не промокнула чернила платком.

— Он-то согласия не даст, — сказала она, наблюдая за пятном.

— Все основания мы уже проверили, так что его согласие не требуется. Но разрешение у вас только на выпивку.

— Жаль, — вздохнула она. — Уж больно многое не нравится.

Агата описала мужчину под сорок, с тёмными волосами и в сером сюртуке. Томас сидел в «Медном дрозде». По таким приметам можно собрать полтаверны.

— Может, какие-то особые приметы есть?

— Ворот он криво застёгивает. Элиза поправит, а он опять!

Я взяла сумку. Ида сунула мне амулет:

— Если трезвость объявит подвигом, медали не выдавай. На просветление личности твоего жалованья не хватит.

Ида оставила Агату дожидаться и налила ей ещё чаю. Это пока ещё было бесплатно.

Прежде чем я ушла, Агата попросила ещё об одном:

— Он про тебя знает. С утра пошёл в трактир бахвалиться, как всех перехитрит.

— А это мы ещё посмотрим, — ответила я.

У «Медного дрозда» птица на вывеске щёлкала клювом, зазывая клиентов, но торговка орехами рядом щёлкнула языком громче. Внутри пахло жареным луком, а светильники поворачивались каждый за своим столом.

К счастью, кривой ворот был только у одного посетителя. Томас сидел с почти пустой кружкой у помоста. Музыкант закончил куплет, зал подхватил припев — идеальное время для работы.

— Томас Келл?

Томас взглянул на рабочую сумку.

— Нет.

— Тогда мне нужен другой человек с таким воротом. Надеюсь, он будет приветливее.

Соседний стол хмыкнул, и Томас сдался:

— Чего надо?

— Нора Реннер, «Три печати», — я показала лицензию.

— Чары от пьянства, по заказу Агаты.

— Добралась всё-таки, старая...

Томас выхватил у меня предписание о наложении чар, разорвал и швырнул обратно.

— У меня и копии есть.

— А я ничего не подписывал! Тёща наговорила, а вы сразу человеку жизнь калечить?

— Только изменить реакцию на алкоголь. Память, характер, желания останутся вашими. И сначала мы всё сверим. Говорите, Агата солгала?

— Всё враки!

Музыкант сошёл с помоста за пивом, но задержался у нас.

— Том, ты хоть одну ошибку назови. А то она сейчас подумает, что тёща у тебя святая. В среду тебя не было, так скажи про среду!

— Ты играй давай, не лезь.

— Уже сыграл. Скажи про среду — и уйду.

Музыкант дождался ответа. Я уточнила расходы и пропуски работы. Выяснилось, Агата даже преуменьшила сумму. Пришлось воспользоваться подсказкой барда.

Томас ткнул в музыканта пальцем:

— Самый умный? Ты же наливал!

— Это было в пятницу, а в субботу я отказал. Так ты называл мою музыку завываньем мокрого кота! Это все помнят! — обратился он к посетителям.

Музыкант не улыбался. От этого Томас наконец посмотрел на меня.

— На работу я хожу. Ну пропустил два дня, и что. Теперь всем пальцем в меня тыкать будете?

— Домой вчера сколько принесли?

— Принёс бы, если б хозяин рассчитался.

Из-за стойки отозвались: рассчитался. Томас потребовал не вмешиваться. Получалось, вмешиваться нельзя никому,

кто знал хоть что-то.

Я передвинула стул так, чтобы соседний стол не разглядывал записи. Томас заметил интерес публики и заговорил тише. Он назвал сумму, которую отдал Элизе. Остальное ушло на старый долг и посиделки здесь. Суммы сошлись. О том, как Элиза прожила на оставшиеся деньги, он ничего не сказал.

— Агата думает, вы меня заставите слушаться, — сказал он.

— Агата много думает. Заказ у нас только на пьянство.

— А если она потом снова придёт?

— Объясним ей, где наша работа заканчивается.

Музыкант вернулся на край помоста. Пока Томас ругался с тёщей в её отсутствие, женщина у окна поманила барда к себе. Он присел, наклонился поближе. Та шепнула ему что-то на ушко, и бард коротко рассмеялся, без того раскатистого смеха, которым требуют внимания всего зала. Женщина потянула его за рукав, но он высвободился, указал на лютню и что-то коротко сказал. Она согласно кивнула.

— И что теперь? — отвлёк меня Томас.

— Проверю, безопасны ли чары, и выполню заказ.

— А если я сбегу?

— Позову стражу. Предписание законное.

— Ненавижу магов...

— Сегодня точно не полюбите.

Томас следил за перчатками, будто я могла подсунуть тём-

щу ему в кружку. Два ровных отклика маятника подтвердили, что чары ему не повредят.

— Больно будет?

Я покачала головой.

— Уберите кружку, пожалуйста. Мне нужна чистая поверхность для знака.

Томас демонстративно сделал последний глоток. Пиво исчезло, как вода в сухой земле.

В меловой знак встали флакон со спиртом и ладонь Тома-са. Линии вспыхнули, я вытянула амулет и произнесла слова заклинания. Жидкость во флаконе помутнела, подтверждая, что чары сработали.

Он покрутил запястьем:

— И всё? Ничего не чувствую.

— Это пока не пьёте.

Я попросила принести ещё глоток. Нужно было проверить, что чары работают правильно. Томас объёмами был недоволен, но всё же выпил и тут же поморщился.

— Что...

— Это тошнота, Томас. Она пройдёт. Только больше не пейте!

Томас резко поднялся и, опрокинув стул бедром, побежал в уборную. Хозяин забрал кружку.

— Он там не умрёт? — спросил хозяин.

— Нет. Воды ему принесите.

— Жаль! — сказал кто-то из посетителей.

— Не жаль, — отозвался хозяин. — Он мне ещё должен.

— А за проигрыш тоже чары бывают? — донеслось из-за соседнего стола.

— Нет, но бывают люди, которые по каким-то причинам вдруг перестают садиться за карты, — пояснила я.

— Во до чего магия дошла!

Вскоре Томас вернулся и напомнил всем, что карты вообще-то ему не запрещены. Я убрала флакон из-под его локтя.

Музыкант принёс воду сам и поставил ему на край стола.

— За песни потом. Сегодня с тебя всё равно не вытрясу.

— Никогда не вытрясешь.

— Тогда буду петь тебе в долг, пока не разбогатеешь от трезвости. Представляешь, сколько куплетов выйдет?

Томас был бледнее мела. Музыкант его раздражал, но воду тот выпил, а после потребовал снять чары.

— Нельзя. Три месяца минимум.

— Передайте Агате...

— Сами. Когда сможете без брани.

Домой ему предстояло идти трезвым и с долгом. От этого чары не лечили. Томас попросил налить ему чаю, и вокруг засмеялись.

— И карты, — добавил он.

— Домой-то когда пойдёшь? Жена уж заждалась, небось, — подначивал кто-то из зала.

— Отвали.

Я стёрла знак со стола и уже собралась уходить, когда

услышала:

— Госпожа чародейка?

Музыкант придержал дверь. Я оглядела его. Вблизи слегка кривоватый нос и мозоли на руках виднелись лучше.

— Если вы из-за Томаса, жалобы принимают в бюро.

— От него мне нужны деньги за две песни. Жаловаться я не собираюсь.

Томас с другого конца зала показал ему неприличный жест. Музыкант ехидно улыбнулся и показал в ответ два пальца — видимо, напоминая количество песен.

— Долги мы не выбиваем.

— Есть работа поинтереснее. Берётесь искать пропавшие волшебные вещи?

— Насколько пропавшие? — заинтересовалась я.

— Его не могут найти почти двести лет.

— Чего же? Берусь, если есть за что зацепиться. Расскажите, что ищете. И откуда знаете про волшебство и эти «двести лет».

Музыкант улыбнулся.

— Вот это наш разговор! Томас ещё не отдышался, а вы уже за следующий заказ. Ловко!

Томас сидел над чаем и картами, точно вместе с выпивкой у него отняли остальные удовольствия.

— Присядем? Тут история длинная, в двух словах не объяснить.

До обеда я уже не успевала вернуться в бюро. Мы заняли стол у окна, музыкант поставил рядом футляр и повернулся ко мне.

— Леон Хартен. Ваше имя я на лицензии прочёл, но всё-таки... — он протянул руку.

— Нора Реннер.

Ладонь была шершавой от струн. Леон поставил лютню так, чтобы никто не запнулся и позвал хозяина.

— Воды, — сказала я.

Леон заказал себе ещё пива. Я посмотрела на него, потом на Томаса в дальнем углу.

— Не переживайте, — сказал Леон. — Меня пока никто не нанял заколдовывать.

— Уже хорошо.

— А Том вас испугался. Сразу понял, что хорошего будет мало.

— Приятнее сделать я не могла. Хоть объяснила, а многие и этого бы делать не стали. Но если вы отвечаете на вопросы за него, я получаю ваши сведения. А мне нужно знать, что он думает.

— Я только дал ему, за что можно зацепиться. Он сам заговорил, а вы потом проверили. Разве это плохо?

Он говорил спокойным, мелодичным голосом, как будто помочь мне было так же просто, как подсказать слова песни.

— Дождитесь моей просьбы, прежде чем помогать.

— Постараюсь. Только если вы попросите не помогать, мне придётся сначала подумать, как провернуть фокус, — улыбнулся он.

— Что будем искать?

— Лиру. В музыкальную лавку не отправляйте. Такой больше нигде не найдёшь!

— И чем же она особенная?

Бард наклонился поближе:

— Говорят, будто на ней нельзя сыграть плохо. Старый рассказ, в каждом трактире свой. Но про музыку везде одно и то же.

— Вообще нельзя? — уточнила я.

— Промануться-то по струне можно. Забыть полпесни — тоже. А человек всё равно услышит что-то прекрасное,

— он раскинулся на стуле. — Так говорят. Понимайте, как хотите, но я бы проверил.

Принесли воду и пиво. Леон отодвинул бокал подальше.

— И вы решили проверить это у специалиста, который только что испортил удовольствие от выпивки?

— Том вас терпеть не может, а вы всё равно остались объяснять. Не просто махнули палочкой и ушли. Мне как раз такой человек и нужен. Которому не всё равно.

Я достала чистую карточку заказа.

— Допустим, такая лира существует, — сказала я. — За чем она вам?

— Я бард. И мне всё это порядком осточертело.

Он кивнул на зал.

— Кормят здесь неплохо, а вот платят — когда как. Но я хочу свою аудиторию и зал, куда приходят слушать меня. Именно меня, понимаете? Пусть хоть раз ужин и выпивка подождут, пока я допою.

— Но вы даже не знаете, правда ли это. Почему тогда готовы платить?

— Потому что хороших музыкантов много, больших сцен мало, а мой человек может десять лет заходить не в ту таверну. Играю я прилично, но хочу, чтобы это слышали и за пределами «Дрозда».

— И вас даже не смущает, что магия сделает то, чего вы сами пока не умеете?

Он перестал вращать бокал.

— Пока я научусь всему, здесь и состарюсь. Играть эту лиру вместо меня я не прошу. Мне бы только попасть туда, где меня услышат. А насчёт цены... сначала найдите эту штуку.

Последние слова он произнёс уже не так легко.

— И таверны бы выбирать по кухне, чтобы о плате уже не пришлось спорить. Можете в договоре назвать это как-то поприличнее.

— Сначала проверим, есть ли что искать, помимо красивого рассказа.

— У меня есть кое-что получше легенды.

Тут Леон посерьёзней. Он достал из внутреннего кармана сюртука плоский кожаный чехол.

— Только никому не говорите о том, что я вам сейчас покажу.

Я кивнула:

— Профессиональная тайна.

— Один путник рассказывал про неё в трактире. Его подняли на смех: мол, опять из какого-то старья чудо делает. Тогда он показал эту бумагу. Никто не поверил, а я запомнил. Позже сели за карты, так я у него эту бумагу и выиграл.

— В карты?

— Свезло. Обычно все деньги проигрываю, а тут хоть что-то!

Он положил передо мной старое письмо. Я рассмотрела его поближе. Бумага, сгибы и выцветшие чернила выглядели убедительнее любой искусственной «древности».

— Проверяли?

— Оскар Рисс смотрел. Историк. Сказал, бумага старая, чернила тоже. В письме упоминается речная застава в Мерране. Он нашёл её в какой-то книге и показал мне страницы.

Подпись: «Элиас Х.». Автор писал о лире как о существующей вещи. Я захотела проверить письмо и выяснить, кто он.

— Почему не попросили Оскара помочь в поисках?

— Он же историк. В книгах умеет искать, в архивах, но даже там лиру пока не нашёл. А вам, может, бумага сама что-нибудь покажет.

— Поисковая магия не исполняет просьбу «найди легенду». Нужна вещь, на которой сохранился след магии лиры.

— Письмо разве не сгодится? А то жалко: впервые выиграл что-нибудь стоящее, а оно окажется сказкой.

Я перевернула лист. Следов современной магической обработки не было — по крайней мере, тех, которые можно увидеть за трактирным столом.

— Завтра проверю в бюро. Это платно, даже если письмо не поможет.

— За разбитые надежды тоже полагается плата?

— За проверку. Иногда она спасает от куда больших расходов.

Лист размягчился на сгибах в труху, а край кто-то подклеил. Я свернула письмо по старым заломам.

— Может, сразу договоримся? Ждать нет терпения.

— Сначала проверю. Если письмо годится, завтра же подпишем договор и начнём искать.

Я дала карточку бюро:

— В девять. Принесите письмо и всё, что знаете о лире.

— Тогда до завтра, Нора. Спасибо тебе.

— Буду ждать.

Старое письмо ещё ничего не обещало, зато человек, который его берёт, уже был готов заплатить.

Ровно в девять Леон положил письмо на стол, а лютню прислонил к соседнему стулу.

— Что это был за путник, ты не помнишь? Где он сам взял письмо?

— Не спросил. Теперь бы спросил, конечно, но он уже ушёл, и с тех пор я его не видел.

— Кто ещё видел оригинал? Копии есть?

— Оскар видел. Копию сделал себе, вторую отдал мне.

— С письмом ещё какие-нибудь бумаги достались?

— Нет. Только оно. Я думал, вы тут сразу колдовать начнёте.

— Начала вчера, так Томасу не понравилось. Так что сначала вопросы.

Я поднесла к письму поисковый указатель. Ровный свет подтвердил, что на бумаге сохранился старый след лиры. Поздних изменений прибор не обнаружил. Можно начинать.

— Связь с предметом сохранилась. Значит, двести лет назад лиру не просто выдумали. Она существует или, по крайней мере, была.

Леон не сразу отозвался. Подвинул стул ближе, словно у указателя можно было выпросить ещё что-нибудь.

— Значит, я не совсем дурак.

— Значит, письмо помнит предмет. На этом пока всё.

— Нора, дай хоть минуту побыть не совсем дураком. Потом объясняй плохое.

Я убрала руку от прибора. Леон засмеялся и откинулся на спинку стула.

— Минуту дам. Договор от неё лучше не станет, предупреждаю сразу.

— У тебя хорошие новости всегда приходят с уздечкой?

В приёмной хлопнула дверь. Ида пыталась объяснить посетителю, что заочно снять проклятие с соседа нельзя, особенно если единственное доказательство — соседская яблоня, плодоносящая лучше собственной.

Леон слушал с таким интересом, что мне пришлось закрыть дверь кабинета.

— Если у тебя тоже яблоня, лучше сейчас скажи.

— У меня даже двора нет. Но соседу я уже сочувствую.

Мы вернулись к плате. На слове «страховка» Леон нахмурился сильнее, чем на цене компонентов.

— Кого страхуем? Меня, твой пол или эту бумагу?

Я объяснила на простом примере. Если правильно выбранный знак повредит пол, часть расходов покроет страховщик. Если же сознательно полезу в запрещённые чары, никто не заплатит вместо меня. А я не полезу.

— А если лира опасна и меня самого заколдует?

— Это не входит в пробный поиск. Мы её ещё не нашли. За такое нам могут и запретить даже братья. Такие находки передают специалистам по опасным артефактам.

Он придержал письмо за угол, когда я потянулась к нему.

В цену пробного ритуала входили компоненты, аренда комнаты, моя работа и страховка. Леон спросил, платят ли только за найденное.

— За работу. Результат до проверки я обещать не могу.

Он отсчитал предоплату. В кошельке осталось всего несколько монет.

— На жизнь себе оставь. Поиск может затянуться.

— Не ради этого копил. Только чудо из жалости не обещай, мне этого не надо.

— Платим по этапам. После проверки можешь остановить поиск. И ещё: найти лиру не значит, что тебе разрешат её забрать.

— А я-то уже собрался хвалить ваше бюро всем знакомым.

Потянувшись к договору, я чуть не опрокинула чернильницу. Леон поймал её за горлышко. Пока что удача была на его стороне.

— Обо всём, что знаешь, сообщай сразу. О прежних владельцах, попытках поиска, даже о том, что кажется ерундой.

— Никто, кроме Оскара, не помогал.

— А о самой лире что-нибудь ещё знаешь?

— Больше ничего.

— Если вспомнишь что-нибудь или узнаешь, говори сразу.

Попросила его своими словами записать, за что он платит.

Обычно здесь клиенты старались повторить мои формулировки, будто за неверный ответ я возьму ещё монету.

— Я плачу за попытку найти путь, — проговорил Леон, записывая согласие в договор. — Если не выйдет, мне покажут, что делали. Если выйдет, мы сначала выясним, можно ли туда соваться. Лиру мне не дарят. Даже если я очень мило попрошу.

— Последнее можешь не записывать.

— Как? Это моё главное умение.

— На поисковую схему не подействует.

— В трактире работает.

Я протянула ему перо.

Из приёмной Ида позвала меня проверить огонёк ритуальной. Леон остался у стола. Когда я вернулась, он читал выданные ему условия и отметил ногтем строку об остановке работы. Села рядом, чтобы объяснить её.

Мы подписали договор. У стойки Ида забрала свой экземпляр и оценила Леона взглядом человека, которому довелось принимать заказчиков рассерженных, разорившихся и одержимых.

— Если лира найдётся и окажется опасной, вы получите бесценный опыт, — сказала она. — Денег он не вернёт, зато сколько воспоминаний!

— Ну вот, будет хоть рассказ. Осталось найти, кто меня им накормит, — Леон положил перо рядом с договором.

— Хуже было бы, если б я обещала вам всё. Тогда вам

следовало бы проверить, на месте ли кошель. Нора предупредила об ограничениях?

— Предупредила, — ответил он, посмотрев на меня.

Ида вернула копию. Леон убрал её в чехол вместе с письмом и поблагодарил.

Мы подошли к ритуальной, откуда доносились глухие стуки и яростное рычание.

— Странно... Уже должны были закончить. Ладно, советую близко не подходить. Там маг всё ещё снимает чары с заколдованного сундука. Не хотелось бы, чтобы он откусил тебе палец.

— Маг?

— Сундук. Придётся завтра утром, — сказала я. — Сегодня не запущу поиск, пока мастер не закончит.

Леон открыл рот и тут же закрыл без возражений.

— Лучик надежды на ночь оставляешь мне?

— Письмо тоже. Приходи в девять.

— Приду в восемь пятьдесят. На случай, если сундук к завтраку проголодается.

Когда он вышел, Ида положила на договор грузик.

— Этот хотя бы спросил, за что платит, а не «почему так дорого».

По дороге домой я всё перебирала рассказ Леона. И всё-таки связь сохранилась. К утру предстояло узнать, почему за двести лет она никого так и не привела к лире.

Леон пришёл пораньше, как и обещал. В ритуальной он сразу убрал сапог от разметки: вчерашний сундук, видимо, объяснил правила лучше меня.

Линия на письме появилась и тут же оборвалась. Лира существовала, а указатель не показывал направления. Я повторила поиск — то же самое. Проверила прибор и компоненты, ещё раз перебрала все свои действия. Ошибки не было.

— Что, он нашёл и передумал?

— Что-то мешает, не могу понять.

Он отбивал пальцами ритм по колену. Когда перестал, часы вдруг начали тикать слишком громко.

— В рассказе путника случайно не было двух лир? Или копии?

— Только одна. Я уже всё рассказал.

— Тогда проверим ещё раз. Вчера письмо отзывалось на вещь, а сейчас не показывает, где она.

Я упростила ритуал и заменила компоненты.

— Сколько таких попыток положено? — спросил Леон.

— По договору оплачена одна полная работа, а не число вспышек. Я проверяю, где ошибка.

— А если её нет?

— Тогда поиск на этом закончится. Верну неизрасходованную часть компонентов, но уже потраченную — нет.

— Я не про деньги. Ты ведь сейчас сама хочешь, чтобы получилось.

Я снова выравнивала письмо по разметке. Леон перестал отбивать ритм.

— Поэтому будет контроль, — ответила я. — На каком-то знакомом предмете. Если прибор найдёт его, то я всё сделала правильно.

Ида сама принесла бумаги с оттиском. Она заглянула в схему и не стала давать советов через плечо.

— Моя печать в шкафу наверху. Если вдруг обнаружишь её в Мерранской долине, я наконец узнаю, куда уходят наши расходники.

На обычном оттиске указатель сработал сразу. Леон даже вытянулся посмотреть, не покажется ли печать прямо сквозь потолок.

— На бумаге всё-таки получается.

— Получается, — согласилась я. — Но с лирой что-то не так.

Контроль сработал. Ещё одна попытка с письмом повторила бы прежний результат.

— Что именно подтвердил Оскар?

— Он сверил Мерран и речную заставу с двумя старыми книгами. В одной дороги описаны, в другой посты перечислены. Бумага ему тоже показалась настоящей. Но где лира, он не сказал.

Ида присела у двери. Я знала цену её спокойствия. Она

однажды трое суток искала украденный проклятый амулет, который в итоге оказался выдумкой.

— Нора, ты можешь не знать ответа. Это гораздо дешевле, чем уверенно знать не тот.

— Подпиши отказ, если хочешь, — предложил Леон.

— Он обычно появляется сам, когда клиент читает счёт, — сказала Ида. — А сейчас дослушай человека. Она ещё не отказывается от работы.

Я остановила ритуал и убрала письмо с разметки. Леон потянулся помочь, но на этот раз спросил, что можно брать.

— Старые вещи иногда прячут от поисковой магии. А бывает, след, по которому ищешь, уже испорчен. По такому результату не поймёшь, в чём дело.

— Значит, тебе нужен тот, кто разбирается в старых вещах?

— Мне нужно выяснить, как письмо оказалось связано с лирой. Те, кто это помнил, давно умерли. Пока что мы пытаемся спорить со словами на бумаге.

Леон подвинул ко мне свой список расходов. Сумму за компоненты не обвёл, претензии не искал. Хотел узнать, хватит ли остатка на продолжение поисков, если письмо всё-таки настоящее.

— Тогда попробуем что-то другое.

— Пока не знаю, что именно. За ещё одну такую попытку брать деньги я не стану.

Я убрала результаты в папку. Очень не похоже на вещь,

которую просто потеряли.

— Пospрашиваем среди живых. Я разговарю, а ты дальше разберёшься, чему верить. Для начала сгодится?

— Мы можем уехать далеко и всё равно ничего не найти.

— Тогда сначала к Оскару, — предложил Леон. — Может, он что-нибудь откопал.

До конца рабочего дня историка мы успевали. Я убрала инструменты и взглянула на Иду.

— Идите. Только не принесите по дороге ещё один артефакт. Один предмет, который ничего не объясняет, у нас уже есть. Для коллекции маловато, но для головной боли достаточно.

Ида проверила, что линии погашены, и затушила огни в ритуальной.

Пока Леон искал изменившийся вход в университет, я дважды вернулась к одной и той же лестнице. Оскара мы всё-таки нашли до конца рабочего дня.

Кабинет оказался узким и высоким, с колёсной лестницей у стеллажей и пыльным витражом над столом. Коробки занимали почти все свободные поверхности. Рядом с карандашами лежал обломок костяной застёжки, поблёскивавший зелёным в тени. Оскар был худым, с редящими волосами и простыми очками. Он снял их, как заметил нас, и положил рядом на стол.

— Ты вернулся, — сказал Оскар Леону и придвинул очки к краю стола.

— Загадка меня переживёт, если не поможешь. Нора Реннер, из «Трёх печатей». Поиск у нас пока никуда не пошёл.

На большой стол легли письмо и три оборванных результата. Оскар рассмотрел их, но не потянулся:

— В чарах я вам помочь не смогу. К сожалению, не силен в этой области. Могу сказать, что бумага и чернила подлинные для того времени. Но то, что на ней написано — далеко не факт.

— Именно поэтому я здесь.

Оскар придвинул выписки.

— Кроме письма, лиру кто-нибудь когда-то упоминал?

— Вчера ты была добрее, — заметил Леон.

— Вчера у нас ещё не было договора.

Оскар показал статью о речной заставе в Мерране. В «Описании Мерранской долины» она стояла на карте возле мельничного моста. Упоминание было в письме. Затем он достал копию записи о расходах на хранение лиры. Имя того, кто принял её, не читалось, но рядом уцелел оттиск замкнутого кольца с тремя короткими вертикальными рисками. Буквы по краю на копии слились в тёмную полосу.

— Кто держал лиру тогда? — Я кивнула на выцветшую подпись. — Можно выяснить по печати?

— По этой копии не определяю, потому что надпись по краю не читается. Нужен хотя бы ещё один оттиск для сравнения.

Я перерисовала сохранившуюся часть печати. На другом документе такой же оттиск мог оказаться целым, и тогда стало бы ясно, у кого хранили лиру.

— Подделки не вижу. Впрочем, ложь и двести лет назад писали столь же охотно, сколь и сейчас.

Леон потянул письмо к себе, но оставил на середине стола.

Оскар показал ещё одну карточку. В ней было упоминание лиры, изготовленной неизвестным мастером, и её якобы особые свойства. Описание совпало с легендой. Примечательно, что в конце стояла запись о том, что лира оказалась утрачена. Дата утраты была написана крупно.

— Существовал такой инструмент, — заключил он. — Но

где он теперь, карточка не объясняет.

Я проверила его копии указателем, но следа лиры на них не было. Для поиска годился только оригинал.

— Почему ты не сказал раньше? — спросила я Леона.

— Тогда мы проверяли только письмо, а остальное я начал после его визита, — пояснил Оскар. — Материал стоит изучить. Уж больно любопытная эта вещь, — он указал пальцем на письмо.

— Так мою бумагу выслушали лучше, чем меня, — сказал Леон.

Оскар не ответил на жалобу:

— Вот место заставы на карте. Записи о служебных домах там должны быть в местном архиве.

— Вы там работали? — спросила я.

— С другим разделом. Могу подсказать, какие записи стоит сравнить.

Леон вздохнул:

— Как жаль. А я уж было приготовился, что ты ещё и лиру из шкафа достанешь.

Оскар поправил очки и посмотрел на нас проницательным и уверенным взглядом.

— Если бы мог, ты вряд ли обошёл бы только дорожными расходами.

Шутил он реже Леона и суше, но шкаф при этом всё же проверил взглядом. Там коробка стояла на коробке. Найти в них лиру было бы работой на несколько сезонов, если не лет.

Зачем лиру сдавать на хранение? Кто имел к ней доступ? Куда она пропала? Ответы пока появляться не торопились.

В глаза бросилась папка со столичной печатью. Я отодвинула её, чтобы разложить карту. Оскар быстро подтянул папку поближе к себе.

Я нашла долину на карте. Казалось, она здесь, совсем близко. Расстояние вроде маленькое, а вот дорожные расходы — уже нет.

— Тогда поедem туда. Может, там хоть узнаем что-нибудь.

— С этого архива и начните.

До Меррана шёл почтовый экипаж. Я назвала свою долю расходов. Леон мысленно сравнил её со своими деньгами.

— Ты собираешься ехать со мной? — спросила я. — Бюро может прислать тебе результат.

— А я буду сидеть в «Дрозде» и гадать, что ты увидела? Я хочу сам пройти этот путь. Письмо моё, лиру ищу я. Когда потребуется решить, продолжать ли, хочу понимать, на что соглашаюсь. Да и заработать в дороге мне легче, чем отправлять деньги вслед за тобой.

— В диагностике решения за мной.

— Конечно. А с хозяевами и музыкантами поговорю я. У каждого из нас хоть что-нибудь должно получаться лучше. Если деньги кончатся прежде, чем найдём лиру, достану лютню. Пусть хоть ночлег нам заработает.

— Ночлег с крышей, — уточнила я.

— Ты невероятно разборчива в приключениях.

Университетский колокол напомнил о конце рабочего дня. К завтрашнему звонку я могла оказаться на незнакомой дороге с человеком, которого ещё вчера приняла за горе-советчика.

Оскар записал номер архивного раздела и имя хранителя. Записку он придержал пальцами, пока не закончил:

— Рекомендация поможет получить доступ. Взамен мне нужны копии относящихся к делу записей и ваши наблюдения о поиске. Я трачу на это ресурсы института, так что мои коллеги будут ждать результата.

Оскар всё ещё придерживал записку пальцами.

— Копии исторических документов я пришлю. Магическую диагностику — только в той части, что не выдаёт закрытую рабочую методику. И оригинал письма останется у Леона.

— Оригинал мне не нужен. Но без точного содержания любое исследование потеряет ценность.

Оскар отпустил записку, и Леон быстро убрал её к письму.

— Кто ещё получит наши копии? — спросила я.

— Коллеги, которым нужен этот материал. Если будут цитировать, укажут вас и Леона в источниках.

— Рабочую методику не включайте.

— Вы уже поставили это условие. Я его понял.

Оскар сложил выписки. Леон убрал карту только после моего кивка.

— Ты не сердишься, что она такая дотошная? — спросил

он Оскара.

— Сердиться на чародея за вопросы опасно для качества его ответа.

На прощание Оскар снова предупредил, что пробел в поздней истории ещё не делает её ложной. Спорить я не стала. За дверью Леон наклонился поближе:

— Он, наверное, родился со словами «доказательств недостаточно». Повитухе пришлось искать второе свидетельство.

Я засмеялась и крепче прижала папку к груди.

В бюро управляющий разрешил трёхдневный выезд по оплаченному заказу. Продление нужно было согласовать отдельно. Я передала ближайшие приёмы Иде и взяла дорожный набор под расписку. До возвращения моим столом пользовалась другая чародейка.

В папке было всё, с чем мы собирались уехать — три неудачных опыта и клочок бумаги с чужим адресом. Разумно ли это? Поживём — увидим!

— Вылезайте! По одному!

Возничий успел натянуть поводья. Экипаж накренился к воде, а из-под колеса торчала подломившаяся доска. Зерновой посредник полез к двери первым и толкнул девочку, сидевшую рядом. Леон поймал его за ворот.

— Тебя лошади ещё не звали. Сиди.

До этой минуты дорога казалась слишком обыкновенной для поиска двухсотлетней лиры. За лютню взяли доплату, торговец тканями храпел, посредник оправдывал цену хлеба двумя неурожаями. Мать девочки пересчитывала монеты, пока та смотрела на струны Леона. Я успела решить, что путешествие можно спокойно потратить на записи, но теперь под их количеством можно было утонуть.

Леон подал девочке руку. Её мать выбралась следом, потом торговец и посредник. Последней вышла я. Правое колесо осело ещё на палец. Возничий остался на месте, удерживая лошадей.

— На берег, — велела я пассажирам. — От настила подальше.

— Печать же целая! — крикнул посредник.

Охранная печать дверцы действительно была целая. Она не позволяла экипажу загореться и слегка смягчала удар, но чинить мост она не умела. Я проверила устои. На одном чары

ещё держали камень, на втором почти погасли. Мутная вода вымыла часть кладки.

— Лошадей можно отцепить? — спросила я возничего.

— Рванутся — колесо уйдёт. Я их сейчас не брошу.

Торговец тканями нашёл в багаже верёвку. Леон снял дорожный ремень с решётки, подлез под накренившуюся дверцу и подал его вознице.

Я достала мел и два крепления. На земле всё получалось легко, но здесь мел намокал, ветер тянул край плаща под ладонь, а дерево трещало быстрее, чем я рисовала знак.

Девочка пыталась подойти к матери. Леон обернулся:

— Поможешь мне? Вон у того камня стой и считай. Если лошадь сделает хоть шаг, кричи.

Девочка спрятала пальцы подмышками и начала смотреть на копыта с такой серьёзностью, что посредник перестал звать её обратно. Я закрепила первую точку в уцелевшем камне. Для второй надо было опуститься на нижнюю доску, что уже наполовину была в воде.

— Сумку сюда, — сказал Леон. — А ремень себе вокруг пояса.

— Тебя он тоже утянет.

— Тогда держать будет торговец. Он ещё и узлы умеет, я спросил.

Торговец перехватил ремень выше застёжки и велел не спорить, ведь у него дома три подрастающих дочери, так что он давно привык к возражениям.

Снизу пахло тиной. На камне шевельнулось что-то прозрачное — речной слиздаль, размером с ладонь. Такие любили застревать в старых водяных чарах. Возле нового крепления зверёк растаял в струе. За ним открылись швы, из которых вода вымыла раствор.

Первая линия вспыхнула, приняла часть веса и сразу потускнела.

Слишком большая нагрузка.

Из лошадиных ноздрей шёл пар. Возница говорил с ними непрерывно, так тихо, что я слышала только интонацию. Леон прижал дверь плечом, чтобы она не раскачивала экипаж.

— Не удержу его целиком, — сказала я. — Нужно облегчить. Багаж с решётки снимайте, потом доски под колесо суйте.

Посредник схватился за свой тюк.

— Там бумаги! На перевозку!

— Именно их и спасаем. Давай сюда, — Леон принял тюк и сразу передал торговцу. — Бумаги плавать не любят. Ты, думаю, тоже.

Пассажиры с опаской смотрели на воду, но разобрали груз цепочкой. Опору удерживать стало легче. Под коленом скользила мокрая щепка, ладонь продавila мел до медного крепежа. Главное — успеть закончить знак раньше, чем ещё одна доска начнёт расходиться.

Девочка закричала: лошадь двинулась.

Хрясь!

— Держу! — выдохнула я, хотя держала только нижний край, который пока не ушёл целиком.

Торговец подложил доску. Возничий осторожно провёл колесо по укреплённому участку. Экипаж качнулся, но теперь от нас. Леон оттолкнулся от двери и отскочил к берегу. Я дождалась, пока вес уйдёт, и погасила чары. Временный знак почернел на мокром камне.

Сумку мне принесли. Я перехватила её двумя руками, но встать смогла не сразу из-за дрожи в ногах.

— Через него обратно не поедут, — сказал возничий. — На станции сообщу, что мост расшатался, пусть отправят кого-нибудь.

— Запиши: правый устой размыт. И пусть едут без тяжёлого экипажа. Моя опора только на этот переход.

Он кивнул и попросил записать. Я записала коротко и отдала лист возничему.

На середине пешеходного настила Леон шёл впереди меня.

— Смотри под ноги. Ещё три доски, и берег.

Одна из досок скрипнула. Я схватилась за его руку и отпустила уже на земле. Леон протянул флягу, а сам занялся промокшим футляром. Вода забралась под крышку, но лютня осталась сухой.

Мать девочки дала нам половину своего хлеба. Отказаться было легко, но взять оказалось честнее. Работали мы все.

Леон поделил ломоть так, чтобы маленькой помощнице досталась корка, которую та уже выбрала глазами.

Посредник заговорил о новом объезде. По нему повезут зерно, доставка подорожает ещё больше. Торговец тканями спросил, кто теперь заплатит за ремонт.

— В прошлом месяце мост проверяли, — ответил возница. — На станции лист висит: проезд безопасен.

Я посмотрела на чёрный след временной опоры. Где-то на стене этот мост всё ещё держался. Надолго ли?

В Мерране с ночлегом пришлось туго. Первая гостиница была занята торговцами, ждавшими задержанных грузов. Леон знал хозяйку соседнего дома и добыл нам два ночлега без обещания даровой музыки. Станционная канцелярия оказалась уже закрыта. В общем зале, куда мы спустились после ужина, ещё пели.

Архив оставался уже на утро. Леон заметил у очага одного из музыкантов и повёл меня к нему.

— Вон Мартин. Мы здесь вместе играли как-то раз. Он эти края знает, как свои пять пальцев.

Я достала карандаш, Леон — лютню.

— Дай познакомиться. Они отдыхать пришли, а ты сейчас заставишь их вспомнить всё за двести лет.

Леон сыграл с ними, обменялся жалобами на струны. Стул ему подвинули сами, как родному, а для меня нашлось место рядом.

— Мартин, споём старую, про возничего? Я здесь её слышал.

Мартин пожал плечами.

— Какую именно?

— Где возница ночью сбивается с пути и попадает к мёртвому королю.

— Это не мерранская.

— Вот и мне так говорили. А потом я слышал её в Рессене, и там король был уже мельником.

Музыкант с подёрнутыми сединой волосами фыркнул.

— Потому что для рессенцев рано или поздно любой король становится мельником.

— Разумный народ.

— У нас поют другую, — вмешался третий. — Про девушку, которая ждёт солдата у старой заставы.

— Вот её и споём, — сказал Леон. — Я слышал версию без заставы, так что начинайте без меня.

Третий мужчина допил кружку, подумал и начал без сопровождения.

«Не гаси свечу, девица, Без тебя я не пропал. Хочу в дверь к тебе проситься, Но король в поход позвал».

Песня оказалась длинной. Девушка в ней ждала солдата, но тот погибал и возвращался призраком, а история всё никак не заканчивалась.

Мужчина у очага попросил пропустить гибель солдата. За столом ответили, что тогда ждать будет некого. Спорили совершенно серьёзно, и каждый настаивал на том, как песню пели в его детстве.

Я приготовилась вмешаться, но Леон тихо положил лютню мне поперёк колен.

— Подержи. Всего два куплета, а потом спрашивай, что хочешь.

Он спел начало из другой версии, Мартин тут же запел

поверх него. В этой версии солдат тонул и возвращался призраком из реки.

— Вот этого я не знал, — признал Леон. — Меня с лодкой обделили.

Седой музыкант довольно закивал. В итоге спор затих, и мужчина, начавший песню, вернулся к куплету.

Леон показал два пальца. Я решила, что осталось два куплета, но впереди оказалось ещё немало. О воротах запели лишь в предпоследнем куплете.

*«На воротах три черты, Где кольцо не разомкнуть,
Страж стоит у той стены, Не даёт домой свернуть».*

Я остановила певца и попросила повторить строку. Он нахмурился, припоминая.

Кольцо с тремя чертами — как на оттиске, который показал Оскар. Я достала свой рисунок.

Леон отложил лютню, заметив, как я выпрямилась. Седой музыкант вспомнил, что у его матери пели «с тремя чертами» и вместо стража упоминали хранителя. Я записала обе версии, не зачёркивая первую.

— Вы уверены в тексте? — спросила я.

— Ну как... Я мать в последний раз слышал лет в десять, может, чего и не упомяну. Но в памяти отложилось так.

— А ворота из этого куплета ещё сохранились? — я положила на стол лист с перерисованной печатью. — На них мог быть вот такой рисунок?

— Вам какие ворота нужны? Речные или у дороги? —

уточнил седой. — У нас эту песню к обеим застам прилаживают.

— Со знаком, похожим на этот. Хотя бы что-то.

— Есть «У трёх колец».

— Нет, это трактир, — сказал седой.

— Сейчас трактир, а раньше там сбор брали.

— Нет. Сбор был дальше, у моста. А ещё меня старым называют, ну дела!

Спор разросся до четырёх мест, двух мостов и сгоревшей мельницы. Я попросила назвать одно, которое они видели сами. Леон успел вмешаться, пока певцы не обиделись.

— Мосты оставим на потом. Нас бы к одной двери привести. Остальные завтра найдём, если промахнёмся.

Я подвинула рисунок ближе, и Мартин наклонился через стол.

— На доме за мельничным мостом видел похожий знак, — сказал он.

— Что за дом?

— Старый каменный склад. Там ещё бочки под навесом стоят.

— А до склада там что было?

Мартин вспомнил дедову байку о служивых. Дед умер двадцать лет назад, и переспросить, о какой службе шла речь, было уже не у кого. Я повернула рисунок к Мартину:

— Вы сами видели знак? Где и когда?

— Где именно, уж и не вспомнить. Но он точно там был.

Прошлым летом видел. Или позапрошлым...

Он задумался.

— Что ж, это уже можно проверить. Спасибо.

— А вы учёная, да? Ищите что-то? Когда меня найдёте, в источниках укажете?

— Чародейка, но вы очень помогли.

Имя Мартина я всё-таки записала. Поправляя певцов, он теперь рассказывал с торжественностью человека, чьи слова сохранят.

— Только не пишите, что мой дед был хранителем, — попросил Мартин. — Он возил дрова, только любил рассказывать так, будто лично все замки запирали.

Я дописала это рядом с его именем. Леон засмеялся:

— Хороший человек. Без таких добрая половина песен была бы про доставку дров.

— Это тоже приключение, если воз в итоге не доехал. А если чудище какое?

Склад мог не иметь отношения к лире. Но теперь там можно было сравнить знак с оттиском на выписке и поискать надпись, которой не разобрал Оскар.

Леон подвинул ко мне остывший чай и спросил, кто покажет дом. Хозяйка предложила племянника, который раньше возил туда бочки. Встретиться договорились в половине восьмого. Раньше никто не попросил.

Музыканты снова взялись за инструменты. Когда следующая песня закончилась, Леон вернулся за наш стол.

— Ну что, стоило дослушать?

— Без выписок я не заметила бы совпадения. Но без тебя не услышала бы песню.

Он улыбнулся. Я допила чай.

— Тогда завтра возьму лютню. Мало ли ещё кому придётся спеть. Утром отправимся в путь.

Эмиль, шестнадцатилетний племянник хозяйки, радостно помахал рукой и повёл нас к облупленному каменному дому. Под навесом действительно стояли бочки, на глухой стене темнели старые окна. В канавке у ворот белел соляной круг: так местные защищали склады от сырой нечисти, хотя обычные плесневые чары обошлись бы даже дешевле.

— Дядя здесь только навес снимает, — признался Эмиль, покраснев.

— А кто владеет домом? — спросила я.

Леон добавил, что без Эмиля мы всё ещё выбирали бы между четырьмя мостами. Эмиль отвёл нас к хозяину, и тот разрешил осмотреть дом. Туда никто не заходил, а товар хранили прямо под навесом. Не очень безопасно, тем более в такие времена. Но грузов он сейчас почти не покупал, потому что зерно стоило дороже того, что с него можно было в итоге выручить.

Над боковой дверью сохранился знак — кольцо с тремя вертикальными чертами. Я сверила его с рисунком.

— Со знаком Мартин не ошибся. Что здесь было раньше, пока неясно.

— Посмотрим, что внутри?

Я провела указателем вдоль двери. Под недавними чарами от воров и сырости кое-где ещё держалась старая защита.

Проверив край, я присела у нижнего камня. Леон отступил от стены.

— Опасно? — спросил он.

— У двери чары почти погасли. Но ближе пока не подходи. Может, что-то осталось внутри.

Леон удержал дверь. Теперь указатель чувствовал и чары внутри, под складской охраной.

Внутри стояли пустые стеллажи. Из пролома крыши свисал плющ, а на влажной стене серебрился лишайник, смыкавший листья от света. Под сапогом хрустнула глазурированная плитка.

— Посмотри, есть ли здесь ещё комнаты, — попросила я Леона. — Только ничего не трогай без предупреждения.

На втором этаже Леон ничего не нашёл. Внизу постучал по стене и позвал меня. Возразить я не успела. Камень ответил гулко — указатель пропустил пустоту, которую слышал музыкант.

— Хорошо. Только дальше сначала зови, потом стучи. Расходы на твои глупости страховка не покроет.

Под осыпавшейся штукатуркой обнаружился стык, а рядом — маленькое кольцо с тремя чертами и номер. Одна часть охранной печати ещё работала, так что плиту нельзя было ломать.

Я провела мелом черту перед проходом и проверила, где держатся чары. Сначала указатель отозвался на стену. Потом — на пол под моими сапогами.

— Назад!

Пол вспыхнул. Я подняла руку для встречного заклинания, но слишком медленно. Дверь была всего в шаге, и я не успела.

Леон дёрнул меня на себя. Удар в грудь, каменный порог под коленом, и бочка пронеслась там, где я только что стояла. Обломок стеллажа с треском разбился о стену.

Вдох никак не получался. Леон ещё держал моё предплечье.

— Похоже, нас не ждали?

Голос у него сорвался так же, как и шутка.

— Защита на полу. Поздно заметила.

След от его пальцев проступил на коже. Леон разжал руку. Я успела сказать «спасибо» раньше, чем он извинился.

Левое плечо ныло, дышать было трудно. Я проверила, целы ли флаконы в сумке, и только потом попробовала подняться.

— Сядем, — предложил он. — Стена никуда не убежит, а мне тоже надо отдышаться.

В коридоре я дождалась, пока защита ослабнет. Для второго захода приготовила приманку, которая примет удар. Леона предупредила, что если знак на полу загорится раньше моего слова, пусть сразу говорит. Он заметил первую вспышку. Я дала удару уйти в приманку, переждала и сняла остаток защиты. Теперь проход был безопасен.

За порогом кольцо с чертами на миг засветилось. Я вер-

нулась к пластине, но отклик погас. К напольной защите мы больше не подходили.

В нижней части плиты обнаружилась узкая выемка, забитая известью и грязью. Я дала Леону нож, чтобы тот расчистил её. Под слоем поздней отделки показалась металлическая пластина. На ней сохранился номер и то же замкнутое кольцо с тремя чертами. Поздние хозяева склада замазали проход, но так и не сняли его отдельную защиту.

Открывалась дверь не ключом, но поняла я это только через десять минут. Леон сидел на перевёрнутой бочке у входа.

— По-хорошему я уже попросил. Может, теперь лом?

Я очистила пластину ещё на пару сантиметров и попросила помочь сдвинуть плиту. Она прошла на ширину ладони и застряла.

— Вот теперь — лом, — сказала я.

— Сколько лет я ждал этих слов.

Он нашёл лом под навесом и немного расширил проход. Я осталась перед порогом и заново проверила пол.

За порогом активной защиты не было. Два металлических стеллажа, привинченный стол да прогнивший шкаф. В расколотом ящике бумага уже давно превратилась в серую труху. Леон остановился рядом.

Снаружи хлопнула дверь навеса. Мы оба остановились. Владелец спрашивал, не пора ли отпускать Эмиля, которому ещё нужно было забрать телегу до обеда.

Леон ответил первым:

— Пусть идёт. Дорогу назад найдём. И лом вернём.

Я достала из сумки небольшой ритуальный фонарь, заглянула в него и закрепила повыше, чтобы видеть знаки защиты. Леон остался у входа и теперь не стучал без спроса.

— И ради этого нас чуть не убило? — Леон заглянул в шкаф. На старых накладных устроили гнездо мыши. Хорошо устроились!

Под столом нашёлся металлический ящик. Вокруг привычного знака на крышке читалось: «Королевский корпус хранителей опасных артефактов». Чары держались, но на последнем издыхании. Сняв их, я подняла крышку.

В ящике уцелели документы Корпуса. Среди них я нашла карточку передачи лиры и сверила дату с копией записи о её утрате.

— Нора? — Леон слез с края стола, на котором успел устроиться.

— Если дата подлинная, лира оставалась в Корпусе через шесть лет после официального исчезновения.

— Значит, не зря я в карты сел.

Леон отвёл руку от карточки, будто боялся стереть дату.

— Очень надеюсь. Теперь проверим, когда её заполнили.

Отметка передачи ссылалась на транспортную запись в другом архиве, и другие документы это подтверждали.

Леон подал воду в правую руку.

— Болит? — спросил он, прежде чем я успела назвать ушиб нестрашным.

— Плечо ушибла. Дышать уже легче. Спасибо, что вытащил.

Он подождал, пока я допью, держа сумку открытой. Я вернула нож в отдельное гнездо и закрыла застёжки.

— С быстрой защитой у меня хуже, — сказала я. — Я должна была отступить, но попыталась... Это было самонадеянно.

— Значит, я встану у выхода, а ты отходи сразу.

Я показала ему переписанный номер. Шесть лет после официальной утраты — слишком много для случайной задержки.

— Идём дальше? — спросил Леон.

Я кивнула и показала номер следующей записи. По нему предстояло выяснить, кто увёз лиру из этого дома.

Со склада мы вернулись в гостиницу. Перед поездкой в другой архив я собиралась пополнить дорожный кошель.

На следующий заказ я согласилась только после ответа Иды. Хозяйка гостиницы попросила осмотреть постирочную. Работы на час, оплата через бюро, плечо нагружать не нужно. Так она обещала. Заказчицы вообще всегда оптимистичнее чародеек.

Перед работой я зашла к целителю, которого посоветовала хозяйка. Кость была цела. За мазь и перевязь я отдала деньги из дорожного запаса. Три дня он велел беречь руку. Дешевле потерянного прибора, решила я, а уж новая рука обошлась бы дороже.

У двери бельевой стояла Селия Вейн.

Селия училась со мной в академии. Мы улыбались друг другу так старательно, что остальные считали нас чуть ли не лучшими подругами. На третьем курсе она по доброте душевной сообщила преподавателю, что я «наверняка забыла» сдать свою работу. Но работу-то я уже сдала. Потом очень вежливо напоминала Селии сроки каждой её проверки.

— Нора! Какая встреча!

Она обняла меня, едва коснувшись. Я столь же тепло убрала её локоть от уха.

— Селия! Не знала, что ты здесь работаешь.

— Сопровождаю купеческий обоз. А ты, вижу, всё в практике? Прекрасно, когда человек находит своё.

— Скитание тебе тоже к лицу.

Леон внёс сумку. Селия окинула его быстрым внимательным взглядом и снова повернулась ко мне.

— Твой помощник? Симпатичный.

— Музыкант. Леон Хартен.

— Помощник там, где не требуются знания, — пояснил он. — Пока что такие места почти не встречались.

Хозяйка вытащила из корзины простыню. Та дёрнулась, скользнула по полу и обмотала ножку стола.

— Они обратно ползут, — сказала хозяйка. — Селия вчера починила складывание, всё хорошо было. А ночью вот, опять учудили!

— Складывание действительно цело, — сразу ответила Селия.

С этим она была права. Простыня сложилась ровно вчетверо, насколько позволяла ножка. Я попросила не тянуть ткань. Хозяйка уже успела порвать два края, пытаясь отнять их у мебели.

Переступая через хлопковую преграду из сбившегося на полу белья, я добралась до корыта. В комнате пахло мокрым льном, мылом и лавандой. Над корытом висели маленькие глиняные рыбки, собиравшие влагу. Их мне пришлось направить в другую сторону, чтобы указатель не принимал сушьильные чары за причину беды. На крючке у окна дремал

домовый огонёк. Стоило простыне стукнуть о дверь, тот прятался в пустую напёрсточную коробку.

— Ты велела белью возвращаться в новую корзину? — спросила я Селию.

— Конечно. Проверила три раза.

Леон сел на край пустого корыта.

— Можно мне простой вопрос? Они куда ползут?

— Туда, где им велено лежать, — ответили мы обе.

И обе замолчали. Хозяйка указала на стол, где раньше стоял старый ящик для готового белья.

Селия перенесла корзину и наложила чары складывания. Но старое заклинание по-прежнему тянуло бельё туда, где стоял ящик, потому что хозяйка про него не сказала. Ткань честно слушалась сразу двух приказов.

— Она не спросила, — сказала хозяйка.

— Вы заказывали складывание, — Селия ответила мягким голосом, но улыбка исчезла. — Осмотр старых чар в сделку не входил.

Я посмотрела на неё и вспомнила собственного управляющего из бюро. Тот сказал бы ровно то же. Леон забрал у хозяйки простыню.

— Давайте без суда над корзиной. Тут две хорошие работы сцепились. Пусть чародейки разнимут, пока я верну столу свободу.

— Только не тяни, — предупредила я.

Он поднял ножку стола. Простыня выскользнула и тут же

поползла к прежнему месту. Леон сжал её в объятиях.

— Нора, она на меня теперь обидится?

— Если продолжишь бороться, то она порвётся.

— Я предпочёл бы расстаться мирно.

Селия не удержалась от смеха. Я отвернулась к корзине, но тоже улыбнулась.

Мы договорились работать вдвоём. Она на время отменит свои чары, я сниму заклинание, которое тянет бельё к столу, потом она вернёт свои. Но сначала мы обе предъявили хозяйке одинаковое условие: ни одного нового воздействия поверх наших.

— Хоть сушить-то можно?

— Обычным воздухом, — ответила Селия. — Он здесь пока что бесплатный.

Корзина дёрнулась, когда я начала снимать старые чары. Леон удержал её ногой. Из-под крышки вырвались две наволочки и взлетели к сушильным рыбкам. Хозяйка ахнула. Я не стала строить щит на летящие наволочки. Поймала рыбу за нижний край и развернула к стене. Ткань упала ему на голову.

— Люблю тихие заказы, — глухо сообщил Леон.

— Что, ничего не видно? — спросила Селия.

— Будущего особенно.

Он стянул наволочку и положил её в корыто. Я сняла остаток старых чар, и Селия заново включила складывание. Это заняло меньше минуты. Больше спорили.

Проверяли на шести разных вещах. Последней хозяйка дала скатерть с вышитым петухом. Петух кукарекнул, когда та легла ровным квадратом, и хозяйка смутилась: это подарок на свадьбу, мелкие чары в списке не указывала.

Селия закрыла глаза.

— Что ещё подарили на свадьбу?

Оказалось, две салфетки и полотенце. Их тоже проверили. Теперь возвращение, складывание и чужие семейные чувства существовали по отдельности.

Хозяйка расплатилась с нами обеими.

— Ты всё ещё спрашиваешь обо всём, — заметила Селия, убирая инструменты.

— Сегодня, как видишь, не обо всём.

Она посмотрела на свадебного петуха и признала:

— Про полотенце я бы тоже не спросила.

У выхода Селия спросила, куда мы едем и сказала, куда отправляется сама. Её купцы шли через Рессен, там требовалось проверить складские защиты и оформить доставку. Наша дорога могла с ними совпасть.

— Заходи, если будешь рядом. Всегда рада помочь старой подруге.

— Непременно, — сказала я с самой нежной улыбкой.

После её ухода Леон поднял сумку.

— Вы давние подруги?

— Очень давние.

— Понял. Если вы вдруг начнёте говорить ещё ласковее,

мне прятать всё острое и тяжёлое?

— Настраивать инструменты никому не доверю. Особенно Селии. Нести закрытый футляр можно.

— То есть я пока что достоин только застёжки.

Леон проверил, закрыта ли крышка.

— Хорошо. Начну с того, что умею.

Селия привыкла заранее перечислять границы заказа. Я чаще находила их уже в работе, когда за столом сидел человек с настоящей бедой. Если каждый раз обещать ему ещё немного, расплачиваться придётся тем, кто придёт следующим. Пока я знала, как ограничить чары. С собой выходило хуже.

В Мерранском архиве Леон пожелал, чтобы прошлое наконец поселилось на первом этаже. Огромный дом с каменными львами был красив, но нас ждали ещё два лестничных пролёта.

Архивист проверил лицензию, рекомендацию Оскара и номер записи. Над столами вместо свеч располагались молочно-белые светильники.

Архивист принёс транспортную книгу и поставил её перед нами.

В книге стояли наш номер, описание и дата, отстававшая от исчезновения на шесть лет. Подпись совпала с карточкой. Ошибки не было.

С разрешения архивиста я проверила запись указателем. Следа лиры на странице не было. Поиск отсюда начинать было не с чего.

— Она не пропала, Леон. Корпус её перевозил, когда остальные уже считали потерянной.

— Но куда?

Теперь выписывали следующую запись.

— Копии лучше заказать сегодня, — посоветовал архивист. — Завтра фонд увозят на двухнедельную сверку.

— Тогда страницу с нашим номером и соседние записи, — попросила я.

Две недели ожидания съели бы деньги на дальнейшую дорогу, а нам лишние расходы не нужны.

— Признаться честно, раньше эти документы никому были не нужны. А тут вдруг такой ажиотаж! С чего бы это?

Мы с Леоном переглянулись.

— О чём это вы?

— Совсем недавно мне уже приходил запрос на копии этих документов.

— Для кого, если не секрет? — спросила я.

— Никакого секрета нет. Вся информация открыта, вот журнал.

В строке стояло: Флориан Кест.

— Я уже слышал это имя. Довольно успешный музыкант, — сказал Леон.

— А кто дал рекомендацию?

Архивист потянулся за рекомендацией. Открылась дверь. Вошёл высокий молодой мужчина в хорошо сшитом сюртуке, ещё слегка припылённом дорогой.

— Флориан Кест, — представился он. — Мне оставляли материалы.

Леон выпрямился. Пока Флориан ждал папки, он покопался на нас и вдруг заговорил:

— Кажется, я видел тебя на ярмарке. Года два назад. Ты тогда ещё в «Стражниках» изменил переход перед последним куплетом. Интересное решение...

— Там зал на половине слова начинал аплодировать, —

ответил Леон. — Я убрал паузу, чтобы хоть конец услышали. Сам бы вернул её, если бы публика дала.

Леон представил меня серьёзно. Флориан поклонился и повторил имя, чтобы запомнить. Зачем мы приехали, спрашивать не стал.

— Вы работаете с материалами Корпуса? По лире? — спросила я.

— В том числе. Что ж, полагаю, скрывать это бессмысленно, если вы уже всё знаете и читаете тот же раздел. Видимо, наши интересы совпадают. Я помогаю Адриану Вельду. История этого инструмента беспокоит его уже несколько лет, но активно искать начали совсем недавно, когда накопилось достаточно оснований считать лиру реальным артефактом.

— Каких оснований?

— Боюсь, часть сведений мне не принадлежит, и я не могу разглашать их посторонним. Я уже и так поделился всем, чем мог.

— Но вы считаете, что лира действительно существует?

— Я это не говорил.

— Буквально только что...

— Вы как-то не так меня поняли, — перебил он.

— Сверку оплачивает фонд Вельда? — поинтересовался Леон.

— Фонд оплачивает сверку. Но выдачей распоряжается архив, а не я.

Флориану выдали три готовые папки. Наш заказ рядом с

ними выглядел просьбой подождать до следующей жизни.

— Вам подготовили копии. Нам оставили несколько часов до отправки книг.

Флориан посмотрел на пустой бланк нашего заказа.

— Просите хранителя снять нужные страницы сегодня. Больше я вам помочь не могу.

— Можете, — сказала я. — Например, не делать вид, что у нас одинаковая очередь.

Флориан убрал руку от своих папок.

— Я приехал раньше. Запрос подал раньше. Заказ получил не без работы.

— Ваш приезд здесь ни при чём, извольте. Фонд платит за отправку книг и заранее получает всё нужное.

— У простых людей нет таких денег, чтобы покупать всё, что захотелось. В том числе и информацию.

Он смерил Леона спесивым взглядом.

— Боюсь, так работает мир.

Архивист неустанно перебирал свободные бланки, хотя мы не просили ни одного нового.

— Спросите хранителя, на каком основании выдают бумаги, — сказал Флориан. — Мои экземпляры вам не отдам.

— Да мы твоих и не просим. Наши бы получить, пока они на телегу не ушли.

Флориан помолчал и назвал номер соседнего раздела. Оттуда книга не уезжала. Я поблагодарила и записала номер.

Я забрала бланк. Поругаться с Флорианом можно было по-

том, если успеем сделать копии.

До обеденного перерыва мы успели заполнить заказ. Флориан остался в читальной комнате, поскольку его бумаги нельзя было выносить. Архивист разрешил принести чай и хлеб в боковую нишу, подальше от книг. Так мы продолжили разговор, не потеряв очередь.

Флориан был вокалистом, а между выступлениями читал для Вельда документы и устраивал встречи.

Леон заговорил о музыке. Флориан назвал несколько площадок. Две я сама знала по газетам, а Леон — все.

— Ты уже выступал в Королевском зале? — спросил он, подавшись вперёд.

— До него были учёба и маленькие партии. И, конечно, провал, который я хорошо запомнил. Первое прослушивание господин Вельд устроил мне пять лет назад.

— Без него не попал бы? — спросил Леон.

— Скорее всего. Господин Вельд мне помог, и я ему благодарен.

Когда заговорили о Вельде, с Флориана спала маска безучастного посетителя. Он перестал взвешивать каждое слово.

— Для чего Вельду лира?

— Не могу сказать.

— Через какие архивы вы сюда приехали?

Флориан назвал государственный фонд, куда мы ещё не обращались.

— Назвать архив могу. Пересказывать частные письма и результаты исследования — уже нет.

Флориан посоветовал запросить там книги передачи, которые хранили отдельно от предметных реестров.

— Вы говорите об этих книгах так, словно уже видели их. Откуда?

— Подсказал исследователь в Эльмаре.

Вернувшись к своему столу, Флориан снова открыл папку. Я записала название фонда рядом с номером книги. Историков в Эльмаре благодаря институту было как муравьёв в муравейнике.

— Вельд несколько лет искал лиру, — сказала я, когда мы с Леоном остались наедине. — Почему именно сейчас понадобилось увезти книги?

— Нашёл след?

— Или купил у кого-то.